

Лилия КАЛЬМИНА, Анна ПЛЕХАНОВА

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ 1900-х–1920-х гг. КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Анализируя теоретические концепции экономической модернизации применительно к Забайкальскому региону, авторы доказывают, что Забайкалье в указанный хронологический период переживало начальный этап этого процесса, достигшего высшей точки в 1930-е гг.

Analyzing theoretical conceptions of economic modernization in respect to Transbaikal region, the authors are proving that Transbaikal region had experienced the beginning of this process in that chronological period and reached the top in 1930s.

Ключевые слова:

догоняющая модель, экономическая модернизация, промышленный переворот, урбанизация, новая экономическая политика; catch-up model, economical modernization, industrial revolution, urbanization, new economic policy.

Процесс модернизации как переход от аграрной стадии к индустриальной, движение общества от традиции к современности, который в России с началом XX в. практически исчерпал стимулы, данные реформами 1860-х–70-х гг., в Забайкалье делал лишь первые шаги. На рубеже XIX–XX вв. Забайкалье все еще имело неразвитую экономику, нацеленную главным образом на форсированное выкачивание природных богатств; торговлю — интензивную, но в устаревших формах; неразвитую инфраструктуру; слабое промышленное освоение, когда целые отрасли находились в руках феодальных собственников. В условиях дефицита трудовых ресурсов активно использовались внеэкономические способы рекрутирования рабочей силы, тем более что штрафная колонизация давала ее постоянный приток¹.

Транссибирская магистраль, ставшая первой крупной акцией в модернизации Сибири, была призвана вдохнуть новую жизнь и в Забайкалье. Однако она оказала двоякое влияние на экономику региона. С одной стороны, приблизила его к промышленным районам страны, втянула в общерусский поток капитализма, с другой — стала своеобразным насосом для выкачивания богатств края. Металлургические заводы, выполняя заказы железной дороги, первоначально увеличили производительность до максимальной в своей истории, но затем зачахли, не имея возможности конкурировать с более дешевым уральским металлом. Так, Николаевский завод в Иркутской губернии, в 1894 г. получив заказ на рельсы, рельсовые крепления и чугунные трубы на сумму 3 млн руб., в 1899 г. уже прекратил свое существование². Быстрый рост получили лишь отрасли по переработке сельхозсырья (мукомольная, кожевенная) и по производству строительных материалов (цементная, кирпичная и лесопильная), которые не создавали конкуренции Европейской России и углубляли специализацию края как сырьевого придатка. В отраслях, которые содействовали бы формированию промышленного комплекса, Забайкалье проигрывало в конкурентной борьбе не только Европейской России, но и другим районам Сибири. В большинстве своем фабрики оставались кустарными мастерскими со скудным ассортиментом товаров и удовлетворить растущий

КАЛЬМИНА

Лилия

Владимировна —

д.и.н., доцент;

ведущий научный

сотрудник

Института

монголоведения,

буддологии

и тибетологии

СО РАН

kalminal@gmail.com

ПЛЕХАНОВА

Анна

Максимовна —

д.и.н., доцент;

старший научный

сотрудник

ИМБТ СО РАН

plehanova.am@

mail.ru

¹ Зиновьев В.П. Особенности становления индустриального общества в Сибири в XIX — начале XX вв. // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX в. — Томск, 2003, с. 36.

² Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. — Томск, 1975, с. 95.

спрос местного населения не могли. В Забайкалье новые формы оптовой и розничной торговли (склады, аукционы) находились в зачаточной стадии развития, а биржевые операции не имели широкого распространения во всей Сибири в силу традиции беспосредственной торговли¹.

Прокладка Сибирской железной дороги и изданный правительством закон о беспошлинном ввозе техники в Россию во много раз удешевили перевозку оборудования для золотодобычи, однако большая часть забайкальских золотопромышленников были мелкими производителями, не имевшими больших капиталов для технической реорганизации отрасли. К тому же управляющие и владельцы приисков, не желая рисковать капиталами, предпочитали реконструкции производства перемещение на восток по мере истощения приисков. Таким образом, Транссибирская магистраль закрепила процесс развития регионального рынка не столько за счет развития местной промышленности, сколько за счет расширения экономических связей с промышленностью Европейской России.

Тем не менее мы относимся к сторонникам «оптимистического варианта» дореволюционной модернизации. Позволим себе усомниться в ее трактовке как провале буржуазно-либеральной модели раннеиндустриальной модернизации в России, удачной лишь в смысле, обусловившем «революционную альтернативу в обеспечении дальнейшей модернизации страны социальным материалом»². Не претендуя на оценку процесса в общероссийском масштабе, беремся утверждать, что в Забайкалье на масштабную модернизацию в дореволюционный период властным структурам просто не хватило времени. Начавшаяся с большим опозданием, по сути «проскочив» раннеиндустриальную стадию, региональная модернизация не успела полностью использовать свой потенциал, определенный выгодным геополитическим положением. Однако впо-

следствии она шла более высокими, чем на других территориях, темпами, как бы стремясь наверстать упущенное.

В торговле стремительно шел процесс так называемой горизонтальной модернизации, предусматривавший сосуществование архаичных форм посредничества со стационарными³. Резко снизились обороты крупной ярмарки – с 1,7 млн руб. в 1886 г. до 580 тыс. руб. в 1901 г.⁴ Это стало следствием легкости приобретения товаров из первых рук с появлением рельсового пути и отсутствия необходимости их закупки сразу на год, т.к. открылись оптовые склады во многих городах вдоль железной дороги. Магистраль дала жизнь массе мелких ярмарок по селам и деревням. Резко выросло число торгующих, поскольку собственную торговлю теперь можно было открыть с капиталом менее 1 тыс. руб., возросла их мобильность и умение быстро оценить рыночную конъюнктуру. В начале XX в. стартовали, пусть и единичные, опыты по механизации процесса золотодобычи.

Мощные каменноугольные месторождения Западного Забайкалья – Танхойские и Тарбагатайские копи – с самого начала развивались как крупные капиталистические производства. Стремительными темпами развивалась и цементная промышленность. Процесс урбанизации, являющийся важной составляющей модернизации, стремительно набирал обороты: за период с 1899 по 1907 г. численность городского населения Забайкальской области выросла с 39,5 до 112,9 тыс., население областного центра – Читы – с 1897 по 1904 г. выросло с 11,5 до 41 тыс. чел., Верхнеудинска – на 15 %⁵.

Необходимость, пусть запоздалых, но достаточно решительных опытов модер-

³ Щеглова Т.К. Территориальное развитие торговой инфраструктуры Западной Сибири и степного края в период капиталистической модернизации: традиции и новации в размещении ярмарок в начале XX века // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII – XX вв. – Новосибирск, 2003, с. 219.

⁴ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ), ф. 10, оп. 1, д. 520, л. 12, 42; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 г. – Томск, б.г., с. 193.

⁵ Обзор Забайкальской области за 1899 год. – Чита, 1900, ведом. 9; Обзор Забайкальской области за 1907 год. – Чита, 1908, ведом. 5; ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 2265, л. 55; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. LXXIV. Забайкальская область. – СПб., 1904, с. 2–3; Обзор Забайкальской области за 1904 год. – Чита, 1905, ведом. 5.

¹ Андрищенко Б.К. Сфера обмена Сибири как показатель уровня модернизации // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв. : сб. мат. науч. конф., г. Новосибирск, 22–23 сентября 2003 г. – Новосибирск, 2003, с. 216.

² Братченко Т.М., Сенявский А.С. От protoиндустриализации к раннеиндустриальной модернизации дореволюционной России // Модернизационные парадигмы в экономической истории России: мат. всерос. науч. конф., г. Саранск, 20–21 июня 2007 г. – Саранск, 2007, с. 64.

низационного преобразования региона диктовалась геополитическим фактором. Неудачно окончившаяся Русско-японская война наглядно продемонстрировала экономическую слабость восточных рубежей империи, непосредственно прилегавших к районам боевых действий, и Сибири в целом. Близкое соседство с Монголией усиливало позиции Забайкалья и сулило завидные его перспективы не только как транзитного пункта для всех идущих туда товаров, но и как мощной экономической базы для осуществления честолюбивых планов империи по вовлечению внутриазиатского пространства в орбиту своего влияния. Регион играл все большую роль в государственных программах переселения крестьян, в Забайкалье разрабатывались проекты создания крупных промышленных предприятий добывающей и перерабатывающей промышленности и надежной транспортной инфраструктуры¹. Процессы, начатые «сверху», подкреплялись частной инициативой.

Конечно, до 1917 г. проектов было больше, чем реальных действий, но недавно начавшаяся модернизация в регионе еще не успела накопить запас прочности. Планы самодержавия по созданию в Забайкалье точки экономического роста были положены в основу дальнейшего развития на базе иного общественного и идеологического потенциала.

Прерванный революционными событиями 1917 г. модернизационный переход в регионе после завершения Гражданской войны был возобновлен в условиях новой экономической политики. И хотя сам термин «модернизация» никогда не встречался в официальных документах советской власти, его смысл содержался во многих неологизмах советской эпохи: «социалистические преобразования», «социалистическое строительство», «социалистическое обобществление» и др. Модернизационные процессы в 1920-е гг. облекались в идеологическую формулу нового общественного строя.

Фактором, подтолкнувшим модернизацию региона, стало совпадение региональных интересов и общегосударственных задач. Руководство страны, иницируя

социально-экономическую модернизацию Западного Забайкалья, преследовало несколько целей. Во-первых, цель политическую. Предоставив национальную автономию коренному этносу Западного Забайкалья — бурятам, обеспечив экономическую целостность Бурят-Монгольской республики, правящий режим, субсидируя экономику региона, рассчитывал на политическую лояльность руководству молодой Советской республики. Во-вторых, идеологическую. Подъем экономики национальных окраин должен был продемонстрировать преимущества нового социалистического строя. В-третьих, военно-стратегическую цель. В связи с высокой вероятностью военных конфликтов в условиях конфронтации с мировыми державами требовалось обеспечить защиту восточных границ. В-четвертых, геополитическую. Республика, являясь «воротами» во Внутреннюю Азию, должна была не только втягивать ее в орбиту советского экономического и политического влияния, но и служить «плацдармом мировой революции на буддийском Востоке», решая задачу присоединения стран Восточной Азии к будущей Всемирной республике Советов.

В-пятых, экономическую. Реализация концепции выравнивания уровня социально-экономического развития остальных в дореволюционный период территорий, усиление федеральных программ финансирования (за 1923—1928 гг. капиталовложения в промышленность Бурятии составили 943,7 тыс. руб., из которых 72,6% было выделено на расширение и переоборудование предприятий и 27,4% — на капитальный ремонт) способствовали экономической модернизации региона. В 1927/28 г. промышленными предприятиями, число которых увеличилось с 16 до 20, было выпущено валовой продукции на сумму 5 975 тыс. руб., что составляло 230% уровня 1923/24 г.² По сравнению с 1913 г. валовая продукция всей промышленности республики увеличилась в 1,5 раза. Общая стоимость имущества промышленных предприятий выросла более чем в 2 раза, а стоимость основных фондов составила 2 489,6 тыс. руб.³

¹ Третьяков В.В. Общественность и вопросы развития транспортных коммуникаций в регионе в начале XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск, 2004, с. 71—72.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 21, д. 562, л. 329.

³ Социалистическое строительство Бурятии за десять лет. — Верхнеудинск, 1933, с. 14, 34.

Однако существенной трансформации внутрирегионального экономического пространства, как и до революции, в 1920-х гг. не произошло. В 1929 г. в отраслевой структуре промышленного производства по-прежнему преобладающее место занимали кожевенная, лесопиляющая, пищевая, стекольная отрасли, в то время как на долю металлообрабатывающей приходилось лишь 0,8%¹. В 1920-х гг. были возобновлены урбанизационные процессы, прерванные революционными событиями и Гражданской войной. На этом этапе происходило лишь постепенное накопление качественных изменений, создающих предпосылки роста городов, увеличения численности городского населения. За 3 года население городов увеличилось на 37,8% (с 7,4% общей численности населения в 1923 г. до 9,3% — в 1926 г.)².

Показательны модернизационные изменения и в торговой сфере. Для легализованной эпохи свободной торговли в 1920-е гг. было характерно видовое многообразие торговых предприятий: от архаичных развозно-разносных и периодических ярмарок и базаров до развитых стационарных форм (магазины, лавки, склады), а также поступательное развитие форм товарообмена — от меновых до биржевых.

Однако в ходе реализации нэпа выдвинулась главная проблема — ограниченность действия рыночного механизма, ставшая камнем преткновения на пути модернизации в рамках нэповской экономической модели. В дальнейшем частнопредпринимательская деятельность стала просто невозможной. В 1927/28 г. в промышленности республики государственный сектор по объему валовой продукции занимал 92,29%, кооперативный — 7,64%, частный — 0,07%; в торговле по объему товарооборота соответственно 23; 71; 6 %³.

Разрешительно-регулирующие меры государства были неэффективным инстру-

ментом модернизации. Государственный контроль всех составляющих экономического пространства, преференции государственно-кооперативному сектору и ущемление частного — факторы, не только нарушавшие хрупкую систему хозяйственных связей, но и сдерживавшие модернизационные процессы. Вместе с тем в 1930-х гг. именно государственная собственность позволила обеспечить форсированный вариант модернизации на основе концентрации ресурсов на ключевых «направлениях прорыва»⁴. Даже при самой покровительственной политике в отношении частного капитала (слабого в дореволюционной экономической модели, еще более ослабленного в результате социальных потрясений начала XX в.) вряд ли он был бы способен стать основным мотором ускоренной масштабной модернизации.

Таким образом, модернизация в Забайкалье в период 1900-х—1920-х гг. не охватывала всю совокупность процессов, которые позволили бы говорить о ней как о масштабном явлении, даже по сравнению с другими сибирскими регионами. Являясь «воротами» во Внутреннюю Азию и обладая огромным экономическим и геополитическим потенциалом, Забайкалье ни до революции, ни в 1920-х гг. так и не стало экономически самодостаточным. Однако первые модернизационные опыты самодержавного, а потом и молодого советского государства, проведенные в течение всего 3 десятилетий, дали старт созданию экономической базы для проведения успешной социалистической модернизации 1930-х гг., беспрецедентной по своим темпам, масштабам и результатам.

Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33 «Традиции и инновации в истории и культуре», направление 2 «Модернизация и ее влияние на российское общество», проект «Экономическая модернизация Западного Забайкалья (1880-е — 1930-е гг.)».

¹ Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету IV съезда Советов. 1926/27—1927/28. — Верхнеудинск: Изд. ЦИК и СНК БМАССР, 1928, с. 86.

² Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXIII: Сибирский край. Бурят-Монгольская АССР. — М., 1929, с. 345; ГАРБ, ф. Р-196, оп. 1, д. 228, л. 11.

³ ГАРБ, ф. Р-753, оп. 1, д. 666, л. 2.; ф. П-1, оп. 1, д. 1243, л. 21.

⁴ Сенявский А.С. Модернизационный процесс в XX веке: общероссийские и региональные аспекты // Индустриальное развитие Сибири в контексте модернизационных процессов. — Улан-Удэ, 2007, с. 51.